

**РУССКАЯ АРМИЯ В РОМАНЕ
СОЛЖЕНИЦЫНА
«АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО»**

ИЗ ЗА установленной репутации Солженицына, как талантливого писателя и неустрашимого борца за свободу, русская эмиграция встретила с большим интересом его роман «Август Четырнадцатого».

Основная тема романа — поражение армии Самсонова в Восточной Пруссии в самом начале Первой Мировой войны.

В компетентности автора изображать советскую действительность трудно сомневаться. Так ли это в изображении и, главное, в оценке Российской «царской» армии за весь период войны?

На стр. 350 Солженицын пишет:

... «И все-таки можно заявить, что **ПЕРВОЕ** русское поражение определило, задало тон всему ходу войны для России. Как начали первое сражение, не собравши сил, так и никогда впоследствии не успевали их собрать; как усвоили вперв, так и потом бросали необученных без отдыха, сразу по подвозу, затыкали где прорвало и текло, и всё дергались вернуть утерянное, не соображая смысла, не считая жертв; от первого раза был уже подавлен наш дух»...

... «каковы мы вояки, и с печатью этого презрения провозвали мы до развала»...

Таким образом, вся Российская армия, а не только высшее командование Восточно-Прусской операции, попадает «на скамью подсудимых».

Не пытаюсь оценивать роман с литературной точки зрения, я хочу лишь выступить «свидетелем» на этом «процессе». С начала и до конца войны я, как боевой офицер, был на фронте. Участвовал в первом — в армии Ранненкампа — и во втором наступлении в Восточную Пруссию. Потом побывал с нашей дивизией на разных фронтах, в различных армиях и, таким образом, ознакомился с характером боевых действий, с духом воинских частей и, до некоторой степени, с «качеством» высшего командования на различных участках фронта.

Утверждение Солженицына, что **ПЕРВОЕ** русское поражение задало тон всему ходу войны, и что от первого раза был уже подавлен наш дух, не соответствует действительности.

Мы, бывшие в Восточной Пруссии в Первой армии Реннекампа, знали о неудаче, постигшей армию Самсонова, но о размерах ее узнали лишь позже. Знали мы, что спешное вторжение в Восточную Пруссию не закончивших мобилизацию частей было необходимо из-за катастрофы на французском фронте. Никакого упадка духа в нашей первой армии это не вызвало. Что касается частей на других участках фронта — там вообще о Восточно-Прусской трагедии знали еще меньше.

Удивляет, что автор, сам бывший на фронте во Второй Мировой войне, считает, что упадок духа после одного поражения так и остается до конца войны. Или он действительно думает, что до революции мы шли только от поражения к поражению? Ну, а как же тогда с русскими большими победами, с огромным числом пленных, на Юго-Западном фронте сразу же после поражения в Восточной Пруссии? Или с блестящими победами Юденича на турецком фронте? Или с прорывом германского фронта летом 1916?

О Самсонове автор пишет так в 10-й главе:

... «Давно и думать он забыл, что такое Восточно-Прусский театр, никто эти годы не знакомил его с планами войны здесь, как составлялись и изменялись, теперь велено ему было спешно выполнять не им составленный и даже не обдуманный им план»...

Впрочем, в той же главе, Солженицын противоречит сам себе:

... «Сразу после японской войны он побывал начальником штаба Варшавского Округа»...

Да, Самсонов был начальником штаба Варшавского Военного Округа, граничившего с Восточной Пруссией. В его обязанности входило изучение этого возможного театра военных действий. Предположение, что он «давно забыл, что такое Восточно-Прусский театр», ни на чем не основано. Знал Самсонов также, что в начале этого столетия, как раз в районе озер, были большие германские маневры в присутствии Вильгельма Второго, кончившиеся «окружением и уничтожением противника». Вот почему он протестовал против плана наступления, навязанного ему Жилинским.

До войны никакого плана наступления в Восточную Пруссию не было и не могло быть. Наше «вторжение» в Восточную Пруссию явилось импровизацией. Никому — ни нам, ни французам — и в голову не приходило, что Франция не сможет выдержать наступления только части германской

армии хотя бы в течение месяца, чтобы дать России время закончить мобилизацию. Для спасения положения пришлось отправить в бой еще неготовые к бою части. Недочеты, которые замечает и критикует Солженицын, были неизбежным следствием этого. Так что несостоятельность высшего командования была хоть, вероятно, и главной, но далеко не единственной причиной этой начальной трагедии войны.

Огульно критикуя все верхи российских вооруженных сил — хотя с ходом войны многое менялось к лучшему — Солженицын противопоставил германское высшее командование. На стр. 111 он говорит:

... «а начальники генерального штаба не меняются там, как у нас, за 9 лет чехардой из шестерых, но за полстолетия четверо, да не меняются, а наследуют, Мольтке - Старший — Мольтке - Младший»...

Очевидно, Солженицыну неизвестно, что Мольтке - Младший оказался полной бездарностью.

Ну, а как вообще было у немцев, которых он ставит нам в пример? Никем не угрожаемая, Германия вызвала, даже спровоцировала с помощью Австро - Венгрии, войну. Значит — у нее был план победы? Да, был: «Блиц-Криг» — основная доктрина. Не допустить войны на два фронта. В кратчайший срок ликвидировать Францию, пока Россия занята мобилизацией, а, затем, всей мощью обрушиться на Россию. Просто и ясно.

И что же произошло Испугавшись неожиданного русского вторжения в Восточную Пруссию, не поняв, что эта военная демонстрация России еще до окончания мобилизации не является серьезной угрозой, они нарушили свою основную доктрину: накануне взятия Парижа и капитуляции Франции, сняли с французского фронта несколько корпусов, потенциально проиграли войну.. А «Чудо на Марне», которое французы гордо приписывают парижским такси, родилось фактически в лесах Восточной Пруссии.

Да, были у нас поражения и после Восточной Пруссии. Были они и у наших союзников, и у немцев. Самым тяжелым временем был 1915 год. К осени начался наш отход по всему фронту. Причина — не упадок духа, а «снарядный голод». Но там, где артиллерия получала боеприпасы и начинала стрелять — пехота останавливалась, начинала окапываться и, иногда, даже переходила в местное наступление. К концу 1915 года «снарядный голод» прекратился. Изношенное оружие стало заменяться новым. 1916 год армия встретила с уверенностью, что самое тяжелое позади. А к началу 1917 года, после нашего летнего наступления и прорыва германского фронта, мы на фронте были уверены, что война кончится в 1917 году нашей победой. Февральская революция лишила нас сначала победы, а, затем, и Родины...

В конце цитаты, приведенной в начале, Солженицын пишет «и с печатью этого презрения провоевали мы до развала».

О каком развале он думает? Если о развале после «февраля», то он прав. Но, может быть, он невольно подпал под влияние мифа о том, что революция была неизбежна ввиду полной неспособости «царской» армии? Мифа, созданного близкими к Керенскому кругами в оправдание их сознательного разложения армии приказом номер первый?

Наряду с критикой высшего командного состава, в частном случае справедливой, Солженицын критикует и армию, как таковую. Приведу один из примеров. На стр. 178-179 он пишет:

«...связывать проводами наблюдателей и закрытие позиции батарей еще не все умели хорошо»...

Это утверждение автора просто не понятно. Не может же он не знать, что после японской войны русская артиллерия была перевооружена и реорганизована. Позиция батарей, как правило, была закрытая, а связь с наблюдателями — телефонная. Телефонными средствами и обученными телефонистами каждая батарея была уже в мирное время снабжена по штату в достаточном количестве. Поэтому с самого начала войны телефонная связь и в артиллерии и в пехоте не была проблемой.

Моя уверенность, что Солженицын поневоле пользовался материалами, далеко не объективными по отношению к «царской» армии, получила неожиданно для меня конкретное подтверждение. Недавно я прочитал серию статей В. Прянишников в Новом Русском Слове от 1971 года — подробный, очень обстоятельный разбор книги Верховского «На трудном перевале», изданной в СССР в 1959 году. Значительную часть книги Верховский посвящает Восточно-Прусской операции. В последнем из обзоров В. Прянишников пишет:

«Книга Верховского несомненно была использована Солженицыным, как материал для романа «Август Четырнадцатого». Характеристика генерала Жилинского — «живой труп», «погонщик русских армий Восточной Пруссии» — взята из книги Верховского.

Что из себя представлял Верховский — я знал давно. В 1905 году, незадолго до производства в офицеры, он был замечен в революционной пропаганде, разжалован в солдаты и послан в действующую против Японии армию. Там он получил солдатский георгиевский крест, был прощен Государем и произведен в офицеры. По возвращении с фронта он, с согласия Государя, поступил в Академию и затем стал офицером генерального штаба. Во время войны он стал полковником. После февральской революции был одним из близких сотрудников Керенского и во время Корниловского выступления активно помогал ликвидировать Корнилова. Когда Керенский стал министром-президентом — он назначил Верховского военным министром.

Мне лично пришлось «встретиться» с Верховским за несколько дней до «Октября». Еще до революции существовало намерение пополнить генеральный штаб опытными боевыми офицерами, дав им пройти курс Николаевской Военной Академии. В жизнь эта мера была проведена только осенью 1917 года. От каждого корпуса было выбрано по два кадровых офицера с высокими боевыми наградами и аттестациями. Больше 150 офицеров — преимущественно кавалеров Ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия — явилось в Петроград в Академию 16 октября. На следующий день нас выстроили в зале к приезду военного министра. Генерал Верховский выступил с огульной, злостной критикой всего, что происходило в «царской» армии, «обещав», в заключение, что подобного в дальнейшем не будет.

И это он говорил, за несколько дней до «Октября», нам, прибывшим прямо с фронта, где царил полный развал, где убивали офицеров... В одной из петроградских газет был отчет о его посещении Академии, закончившийся фразой «боевые офицеры встретили речь военного министра гробовым молчанием».

В Красной армии Верховский дослужился до командира корпуса.

У меня возникает мысль — не явился ли Верховский прообразом Воротынцева?